

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

Т. Л. Базулева

БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ДУШИ И РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

В статье представлена гегелевская концепция бессознательного, изложенная им в третьей части «Энциклопедии философских наук» — «Философии духа». Бессознательные формы субъективного духа полностью охватывают все проявления души и некоторые проявления человеческого разума. К первым относятся следующие формы бессознательного: природные качества души, магические отношения чувствующей души, ясновидение, помешательство, привычка. К бессознательным формам разума относятся: предчувствие истины, интуиция, темный тайник образов, механическая память. Библиогр. 3 назв.

Ключевые слова: Гегель, философия духа, бессознательное, ясновидение, интуиция, помешательство, память.

T. L. Bazuleva

UNCONSCIOUS FORMS OF SOUL AND MIND IN HEGEL'S PHILOSOPHY

The article presents Hegel's conception of the unconscious, set out in the third part of the "Encyclopedia of philosophical sciences" — "Philosophy of Spirit". Unconscious forms of subjective spirit fully cover all the manifestations of the soul and some manifestations of the human mind. Unconscious forms of the soul include the natural qualities of the soul, magical relationships of sentient soul, clairvoyance, insanity, habit. Unconscious forms of the mind include: premonition of truth, intuition, dark hiding place of images, mechanical memory. Refs 3.

Keywords: Hegel, philosophy of spirit, unconscious, clairvoyance, intuition, obsession, memory.

Философия Гегеля традиционно воспринимается как апофеоз рациональности, предоставляющей право на истину исключительно разуму. Что касается бессознательного, то его, как правило, в этой системе не ищут в силу априорной уверенности в том, что оно не может играть здесь никакой положительной роли. Однако это не совсем так. Бессознательное незаметно проникает в самую основу рациональных построений Гегеля и служит для них надежной опорой. Наиболее наглядно это проявляется в знаменитой «хитрости разума», состоящей в том, что подлинно разумное содержание истории создается людьми бессознательно: «...живые индивидуумы и народы, ища и добиваясь своего, в то же время оказываются средствами

Базулева Татьяна Леонтьевна — кандидат философских наук, доцент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9; bazuleva@mail.ru

Bazuleva Tatiana L. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; bazuleva@mail.ru

и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они *бессознательно* исполняют» (курсив в цитатах здесь и далее мой. — Т. Б.) [1, с. 77].

Бессознательное обнаруживается не только в сфере действия объективного духа, к которому относится история, но и в субъективном духе каждого человека. Исследованию бессознательных форм души и разума посвящена значительная (если не самая большая) часть гегелевской «Философии духа». В этой работе, завершающей «Энциклопедию философских наук», Гегель выделяет три основные формы субъективного духа: *душу, сознание и разум*. Каким образом распределяется между ними бессознательное? По своему ближайшему смыслу бессознательное — это то, что противоположно сознанию и выходит за его пределы, поэтому бессознательными оказываются душа как «*до-сознательная*» и разум как «*сверх-сознательная*» формы субъективного духа. Душа бессознательна на всех этапах своего развития и во всех своих проявлениях. Разум, выступая единством души и сознания, бессознателен лишь отчасти, но кое-что от бессознательной деятельности души в нём присутствует неизбежно, причем бессознательное не препятствует, а напротив, служит развитию разума.

«Философия духа» начинается с вопроса: чем является дух по своему *понятию*? Отвечая на этот вопрос, Гегель приходит к выводу, что наиболее важным определением духа является *свобода*: истинный дух есть дух свободный, зависящий только от самого себя. Однако дух не есть что-то готовое с самого начала — ему еще предстоит стать тем, чем он должен быть по своему понятию. Развитие духа начинается поэтому с прямо противоположного состояния — *зависимости*, и в этой своей неистинной форме дух есть душа. Душа есть дух, зависящий от природы — от той, которая нас окружает, и от той, которая нам дана в качестве нашего тела. Выступая первоначальной формой духа, душа проходит свой особенный путь развития, конечной целью которого является освобождение от природной зависимости. Гегель выделяет три главных этапа этого пути: *природная, чувствующая и действительная* душа. На каждом из них душа бессознательна, но формы бессознательности уникальны и не похожи друг на друга.

1. Бессознательные формы природной души

Зависимость души от природы выражается прежде всего в том влиянии, которое оказывает на душу наша планета. Все люди живут общей планетарной жизнью и примерно одинаково реагируют своим душевным настроением на смену времен года и на разное время суток. Второй по важности фактор — это географические особенности различных частей света и более локальных территорий, которые служат местом постоянного проживания для больших групп людей. Этим фактором определяются расовые и национальные черты, в число которых входят не только физиологические, но и психологические характеристики. К природным качествам души, зависящим уже не от внешней природы, а от телесной организации, Гегель относит темперамент человека, врожденные способности и таланты, гениальность и характер. Под характером он имеет в виду не любой характер, а только сильный. Великие дела вершатся великими характерами, а для этого, помимо грандиозных планов, необходима от природы дарованная колоссальная энергия. Не вдаваясь в подробности, Гегель отмечает половое различие людей, безусловно, влияющее на психологию муж-

чин и женщин, а также два резко контрастирующих состояния души: сон и бодрствование (истинное различие между которыми станет ясным лишь в следующей главе).

С гораздо большим интересом он обращается к возрастной динамике, тщательно прослеживая, как меняются психологические установки в ходе взросления человека.

Завершается рассмотрение природной души разделом, посвященным ощущению. «Ощущение, — пишет Гегель, — есть форма *смутной* деятельности духа в его *бессознательной* и чуждой рассудка индивидуальности» [2, с. 104]. Поскольку душа ощущает, она имеет дело с непосредственным сущим, преднайденным ею и от нее независимым, но в то же время это найденное полагается идеально. Ощущение есть способность, переводящая внешнее во внутреннее. К ощущающей деятельности духа Гегель будет обращаться вновь и вновь на всех этапах своего исследования; сейчас же важно установить, почему ощущение является *последней* формой природной души. Дело в том, что душа в качестве ощущающей есть *то*, что она ощущает. Ощущений бесконечно много, они различны, и душа растворяется в них без остатка. Тем самым она утрачивает свою субстанциальность, благодаря которой каждый человек обладает одной-единственной душой. Перед Гегелем в связи с этим встает задача найти способ, каким душа возвышается над ощущениями, получает власть над ними и обретает самостоятельность. Для этого необходимо, чтобы ощущающая душа ощутила не что-нибудь другое, а *саму себя*. Чувствовать другое — удел природной души, именно для этого ей и даны органы внешних чувств, с помощью которых совершенно невозможно ощутить себя, свое внутреннее существо. Душу, которая приобретает способность чувствовать не другое, а саму себя, Гегель называет «*чувствующей душой*».

2. Бессознательные формы чувствующей души

Отношение зародыша к своей матери является ближайшим результатом нахождения душой самой себя. Первоначально душе удастся найти себя не в себе, а лишь в другом индивиде. Душа ребенка в утробе матери еще не в состоянии поддерживать себя сама, она поддерживается душой матери. Зародыш и мать — это два индивида в еще не расторгнутом душевном единстве. Такого рода отношения, когда одна душа оказывает непосредственное воздействие на другую, Гегель называет *магическими отношениями*, а душу, обладающую властью над другой душой, — ее *гением*. Бессамостная душа зародыша находит свою самость в матери: мать есть гений ребенка. Гений существует для себя и в то же время составляет субстанциальность другого.

Отношение между сном и бодрствованием также представляет собой разновидность магических отношений, где сну принадлежит роль гения. Смену сна и бодрствования Гегель трактует как отличие души от самой себя. Днем душа находится в рассеянном состоянии, распадаясь на бесчисленное множество восприятий, размышлений, переживаний и пр. Во сне душа отвлекается от всего внешнего, сосредоточивается на себе и становится той единой субстанцией, которая получает власть над бодрствованием. «В состоянии сновидений человеческая душа... достигает глубокого, мощного чувства всей своей индивидуальной природы, *всего объема и всей совокупности* своего прошлого, настоящего и будущего», — пишет

Гегель [2, с.104]. Неведомое будущее уже заведомо присутствует во сне, поэтому сон оказывается властью над бодрствующей жизнью, протекающей по его предначертаниям. Рассуждения Гегеля могут показаться мистическими, однако современная наука во многом их подтверждает. В 1960-х годах нейробиологи установили, что в определенные фазы сна с большой скоростью происходит ускоренное «прокручивание» дневных событий, необходимое для того, чтобы перенести полученную информацию из кратковременной памяти в долговременную. Информация при этом не просто воспроизводится, но подвергается существенной обработке: все «оборванные» днем впечатления восстанавливаются в своей целостности с учетом того, что было воспринято не только сознательно, но и бессознательно. Обработанная информация присоединяется затем к тому, что уже хранится в памяти. В результате произведенного синтеза образуется то, что Гегель назвал «целостной тотальностью» сонной души, позволяющей обобщить опыт прошлого и делать прогнозы на будущее. Сомнологи насчитывают сейчас более 15 функций сна, среди которых — прогностическая, творческая и исследовательская функции.

Отношение сознательной жизни к внутреннему гению человека является третьей разновидностью магических отношений души. Одной стороной этого отношения выступает обычная сознательная жизнь бодрствующего человека, другой — та же самая жизнь, но в свернутом идеальном виде. Свернутая жизнь — это внутренний гений человека, определяющий всю его реальную жизнь. «Под гением мы должны понимать ту особенность человека, которая во всех положениях и отношениях его имеет *решающее значение* для его поступков и судьбы» [2, с.142]. У каждого человека свой особенный гений — его неведомая, но неизбежная судьба. В концепции «внутреннего гения» Гегель отстаивает фундаментальный принцип своей философии, согласно которому всё *внешнее* само по себе самостоятельно не обладает, а есть лишь развертывание внутреннего, поэтому и жизнь человека предстает реализацией того, что уже заложено в гении. Современной версией этой концепции является теория «сценариев жизни» Клода Штайнера [3]. В ней утверждается, что на протяжении жизни каждого человека в разных формах разыгрывается один и тот же сценарий. Например, сценарий «незавершенное дело» обнаруживается в жизни одного человека в виде незащищенной диссертации, в которую вложено немало труда, недописанной книге, в разводе после многолетнего брака, в частой смене работы с постоянной ориентацией на новые виды деятельности и т. д. Ученые, поддерживающие эту теорию, установили, что базисные элементы сценария закладываются в первые два года жизни, а к 6–7 годам сценарий уже полностью сформирован.

Ясновидение Гегель рассматривает как особую магию души, возникающую в тех ситуациях, когда сознание временно затуманивается (впадает в так называемый магнетический сон), а исполняемая им функция познания передается бессознательной душе. Процесс познания в таком случае принимает форму ясновидения. Когнитивные особенности ясновидения можно понять, лишь сопоставив их с рассудочным способом познания. Самое важное различие между сознанием и бессознательным заключается в том, что рассудок устанавливает строгую границу между субъектом и объектом, внутренним «Я» и внешним миром. Для души этого разделения не существует. Процесс рассудочного познания начинается с чувственного восприятия, доставляющего ему весь материал мышления. Восприятие

осуществляется посредством органов чувств, обладающих специализацией (глаза видят, но не слышат, нос обоняет, но не созерцает и т. д.). То, что познается рассудком, есть для него объект, поэтому внешний мир предстает для рассудка в объективных формах пространства и времени. Пространство и время, подчеркивает Гегель, существуют только для рассудка, поскольку только для него существует внешний мир. Что касается души, то для нее нет ничего внешнего, поскольку она еще не отделила мир от себя и он имманентно присутствует в ней самой. Гегель неоднократно сравнивает чувствующую душу с монадой Лейбница, не имеющей «окон», через которые в нее могло бы проникнуть что-то внешнее. Монада герметична и содержит в себе всю вселенную. Всё, что знает монада, она знает непосредственно через саму себя и в себе. Точно так же познает и чувствующая душа, и этот способ познания Гегель называет «самосозерцанием гения». «Когда душа освобождается от рассудка, единственной ее субстанциальностью остается имманентная действительность индивидуума, обладающая своим собственным внутренним видением и знанием. Индивидуум становится монадой, в самой себе знающей свою действительность» [2, с. 146]. В отличие от рассудка, ясновидящая душа постигает всё вне времени и пространства, исчезнувших вместе с внешним миром, формами которого они являются. Для нее не имеет значения, как далеко находится предмет, относится ли он к далекому прошлому или к еще не наступившему будущему. Более того, внутреннее самосозерцание независимо от органов чувств, служащих для восприятия чего-то внешнего. Ясновидение как способ непосредственного знания может обходиться вообще без помощи тела, но если оно всё же прибегает к его посредству, то в полном пренебрежении к специализации органов чувств. У человека появляется способность видеть и слышать при помощи пальцев, обонять желудком и т. д., особенно активной считается подложечная область. Ясновидящие признаются, что часто видят предметы внутренним взором, или утверждают, что от предметов исходят лучи.

Помешательство, или **патологическое чувство самого себя**, — это вторая (после разнообразных магических отношений) форма чувствующей души. При помешательстве рассудок теряет контроль над разыгравшимися чувствами, которые вырываются наружу и становятся свободными от власти рассудительности. Здоровое отношение к миру уступает мощи эгоистических чувств, каковыми могут быть тщеславие, гордость, жадность, экзальтированная любовь, ненависть, словом, любые страсти. Патологическое «чувство самого себя» возникает в том случае, когда человек, погружаясь в овладевшее им чувство, смыкается в нем с самим собой как с целостной личностью. Он есть самость только в этом особенном чувстве, сквозь призму которого он на всё взирает и всё оценивает. «То, что в помешательстве становится господствующим, есть *злой гений человека*, проявляющийся... в противоречии с лучшей и рассудительной стороной, которая тоже одновременно существует в человеке, так что это состояние есть *распад и несчастье духа* в нем самом» [2, с. 176]. Наиболее частой причиной помешательства являются трагические события в жизни человека, вследствие которых он замыкается в себе самом.

Привычка есть последняя форма чувствующей души, максимально приближающая душу к конечной цели ее развития — преодолению зависимости от природы. Гегель выделяет две формы привычки. Первая из них — это «*освобождение от ощущений*». Привычка к морозу, жаре и прочим невзгодам делает нас безразличными

к ним. Точно так же закаленность души против несчастий является силой, благодаря которой человек становится бесчувственным по отношению к собственным чувствам. Вторую — и, пожалуй, более важную — форму привычки Гегель называет «умелостью», т. е. умением, искусностью в каком-либо деле. Привычка как «освобождение от ощущений» приводит душу в гармонию с телом. Это важно, поскольку душа свободна, лишь находясь в гармонии со своим телом. Однако высшая задача души по отношению к телу состоит в том, чтобы создать из него податливое и удобное орудие своей деятельности. Тело есть та среда, через посредство которой человек приходит в соприкосновение с внешним миром, и если он желает осуществить в этом мире свои цели, он должен сделать тело способным к реализации субъективных намерений. Тело, однако, не приспособлено от природы к тому, чтобы выполнять задачи, поставленные разумом. Чем бы ни занимался человек, первоначально его движения неуклюжи, лишены уверенности и легко сбиваются при возникновении непредвиденных обстоятельств. Но чем чаще повторяется деятельность, тем послушнее и «умнее» становится тело, приобретая способность быстро и правильно реагировать на внезапные помехи. Своей вершины деятельность достигает тогда, когда приобретает характер привычки, когда субъект перестает сопровождать сознанием каждое отдельное действие и следить за их последовательностью. Тело само знает, что ему делать. Характер этого знания таков, что вся эмпирическая последовательность действий свертывается и принимает форму правила — некоторого всеобщего способа действия, закрепленного в памяти. Правило не только упрощает сложный процесс, но и правит им; оно поэтому знаменует победу души над телом, ставшим безупречным исполнителем человеческой воли.

Привычка как умение представляет собой совершенно новый вид бессознательного. До сих пор мы имели дело лишь с таким бессознательным, которое было либо отсутствием сознания, либо его «помутнением». Теперь же бессознательное — это *ставшее бессознательным сознание*. На смену непосредственному бессознательному пришло бессознательное, *опосредствованное* сознанием. Именно таким опосредствованным бессознательным является «действительная душа».

3. Бессознательное как действительная душа

Действительной Гегель называет такую душу, которая настолько внедряется в свое тело, что оно становится бессловесным знаком души. Хотя в теле остается много чисто физиологического, изъятого из-под власти души, оно всё же выражает не столько себя, сколько индивидуальную душу человека. Всё, что пережил человек, его несчастья и внезапные удачи, достоинства и пороки, — всё это определенным образом отражается на его внешнем облике. Особенно красноречивы в этом отношении осанка и походка человека. Мимика лица способна выразить самые тонкие душевные переживания. По тому, как человек говорит, жестикулирует, смеется, вздыхает, можно с достаточной степенью уверенности судить о его душевных качествах. В своей телесности действительная душа имеет ту форму, в которой она сама себя ощущает и дает себя чувствовать другим. Не следует, конечно, забывать, предупреждает Гегель, что внешность может быть обманчивой. Облик человека — хотя и знак духа, но знак далеко не совершенный.

4. Бессознательные формы разума

Дух, который сначала выступал в форме души, а затем в форме сознания, становится «духом как таковым» лишь в качестве разумного духа. Истинной субстанцией духа является разум, который обнаруживает себя в двух традиционных для того времени формах — теоретического (*интеллигенция*) и практического (*воля*) разума. Поэтому на данном этапе гегелевского исследования понятия «дух», «разум» и «интеллигенция» полностью совпадают.

Основная деятельность разума направлена на то, чтобы снять рассудочное разделение на субъект и объект. Если идеалом для рассудка служит объективная истина, очищенная от всего субъективного, то разум преследует прямо противоположную цель — свою субъективность утвердить как объективную истину. Разум ищет в мире только разумное, т. е. самого себя, поэтому для него всё внешнее есть в такой же степени и внутреннее, а всё внутреннее обладает объективным бытием. Неуклонно и разными способами устраняя границу между субъектом и объектом, разум тем самым уподобляется бессознательной душе, для которой этой границы не существует изначально. Именно в связи с этим возникают бессознательные формы деятельности разума, подчиненные главной задаче — восстановлению утраченного (на ступени сознания) единства субъекта и объекта.

Предчувствие истины и интеллектуальная интуиция. Свое восхождение по ступеням развития разум начинает с ощущения. «Ощущающий (чувствующий) разум» — это первое, еще неразумное проявление разума, его бессознательная, но полная смысла и содержания деятельность. Между интеллектуальным и чувственным ощущением имеется существенное различие. Чувственное ощущение обусловлено исключительно воздействием внешнего объекта. Содержание разумного ощущения, как и само его возникновение, зависит от интеллектуально-духовной активности человека. Если таковая отсутствует, мы опускаемся на уровень чувственного сознания и имеем дело с обычным ощущением, которое от интеллекта человека несколько не зависит. Посредством чувственного ощущения мы ощущаем *предмет*, посредством духовного — *самих себя*. С чисто внешней стороны ситуация остается прежней: имеется некий объект, который воздействует на чувственность человека. Если событие исчерпывается возникновением ощущения, несущего информацию об объекте, мы находимся в пределах сознания. Если же человек реагирует на внешнее воздействие «своим особенным *самочувствием*» [2, с. 270], значит, он вышел за пределы сознания и вступил в зону разумности. О каком же *самочувствии* идет речь? Ему трудно подобрать однозначное определение, но наиболее подходящим Гегель считает удивление, отсылая к аристотелевскому изречению «всякое познание начинается с *удивления*» [2, с. 278]. Удивление — это состояние, которое напрямую зависит от интеллекта и духовной образованности человека. Чем мудрее человек, тем более он способен находить удивительное в самых обычных явлениях. Помимо удивления, для описания духовного восприятия подходят любые состояния, когда человек, столкнувшись с каким-либо предметом (событием, поступком, прочитанным текстом и пр.), внезапно *ощущает* всю его значимость и, еще не успев осознать «почему», моментально оценивает его как предельно важную истину или, напротив, чудовищное заблуждение, как что-то прекрасное или же отвратительное. Духовное ощущение обладает такой силой воздействия, что дальнейшее углубление

в этот предмет становится почти неизбежным. Поэтому Гегель подчеркивает, что с удивления познание только *начинается*. Однако может случиться и так, что духовное прозрение, явленное в первом впечатлении, останется бесплодным и не перейдет в более глубокое познание. Тогда человек, отстаивая свою правоту, будет ссылаться лишь на свое чувство: «Я так чувствую», «Нутром чую» и т. п. Эту позицию Гегель сурово осуждает.

Второе важное различие между чувственным и разумным восприятием заключается в том, что чувственное ощущение сообщает лишь о каком-нибудь отдельном свойстве объекта. Духовное ощущение, напротив, охватывает *всю полноту содержания* объекта — от его внешних проявлений до глубинной сути. Всё это знание дано в максимально сжатой форме, благодаря чему разумное ощущение обладает достоинством *простоты*. Простое, но насыщенное всей полнотой знания ощущение, конечно же, редкость. Чтобы получить от предмета всё, надо прежде ему всё отдать, воспринять его не органом чувства, а всем своим существом: «Для этого требуется, чтобы человек устанавливал свое отношение к предмету, исходя из своего духа, сердца и чувства, коротко говоря, из *всего своего существа*» [2, с. 277].

Обратим внимание еще на одно очень важное высказывание Гегеля: «В ощущении содержится *весь разум* — вся совокупность материала духа. Все наши представления, мысли и понятия... развиваются из нашей *ощущающей интеллигенции*; как и, наоборот, они же, уже *после того* как получают полное раскрытие своего содержания, концентрируются в простую форму *ощущения*» [2, с. 270]. Повторим еще раз: все наши представления, мысли, понятия развиваются из ощущающей интеллигенции, но после того как они полностью развились, они снова концентрируются в простую форму ощущения. Таким образом, разумное познание не только начинается с интеллектуального ощущения, но и завершается им. В подтверждение сказанного еще одна цитата: «Развитое, *истинное ощущение* есть ощущение образовавшегося духа, который достиг сознания определенных различий, существенных отношений... и в котором именно это исправленное содержание входит в его *чувство*, т. е. приобретает эту форму» [2, с. 270].

Мысль о возвращении рационального знания к простой форме чувства полностью согласуется с диалектическим принципом Гегеля, согласно которому конец всегда закольцовывается в начало, не будучи при этом его «дурным» повторением. Разумное познание начинается с духовного ощущения и им же завершается, однако мы имеем дело с двумя различными формами интеллектуального чувства: если первое можно назвать «ощущением истины», «предощущением» или «*предчувствием истины*», то последнее, уже развитое ощущение является *интуицией* (или интеллектуальным созерцанием)¹. Предчувствие истины — это первое, еще неразумное проявление разума; интеллектуальное созерцание — сверхразумное его проявление. Интуиция сохраняет обретенное разумом содержание, но придает ему новую — непонятную — форму. Благодаря этой форме знание освобождается от массы второстепенных деталей, делая пронзительно ясным самое важное. Иногда это оборачивается неожиданной истиной и похоже на внезапное озарение. Однако Гегель твердо убежден в том, что интуиция требует предварительных и очень глубоких раздумий. Интуиция сама по себе безмолвна: она не «рассказывает», а скорее

¹ «Интеллектуальная интуиция» и «интеллектуальное созерцание» — два варианта перевода нем. «*intellektuelle Anschauung*».

«показывает». Попытка облечь интуитивную истину в слова, найти для нее точные понятия вновь превращает созерцание в мышление. Поэтому интуиция не является для Гегеля высшей и самой совершенной формой знания.

Темный бессознательный тайник — это вторая форма, в которой проявляется бессознательная деятельность разума. Эта форма предназначена исключительно для того, чтобы внешне обретенное восприятие превратилось во внутреннее — продукт интеллигенции. Любой процесс восприятия конечен во времени, но то, что мы хотя бы один раз увидели или услышали, не исчезает, а принимается во внутреннюю всеобщность «Я». Чувственное созерцание, ставшее достоянием интеллигенции и в ней сохраненное, превращается в *образ* — первую и наиболее простую форму представления. «Всё, что происходит, лишь через принятие его в представляющую интеллигенцию получает для нас *длительное существование*... события, которые со стороны интеллигенции не были удостоены этого принятия в нее, превращаются в нечто, *полностью прошедшее*» [2, с. 283]. Однако и образ есть нечто преходящее: по истечении определенного времени он сначала тускнеет, а затем и вовсе стирается. «Получив в интеллигенции внутренний характер, образ оказывается сохраненным *бессознательно*, не существуя уже более как образ» [2, с. 283]. Интеллигенция в таком случае превращается в темный бессознательный тайник образов. «Никто не знает, какое бесконечное множество образов прошлого дремлет в нем» [2, с. 284]. Извлечение образа из темного тайника становится возможным лишь при повторном созерцании того же самого предмета, в результате коего образ вновь оживает и поднимается на поверхность сознания. Этот акт Гегель называет «*припоминанием*». Благодаря припоминанию образ, который в бессознательном хранилище был лишь внутренним, получает внешнее существование. Интеллигенция, таким образом, проявляется как «сила, имеющая возможность овнешнить свою собственность» [2, с. 285].

Механическая память — это последняя и весьма специфическая форма бессознательной деятельности разума. Несколько слов о памяти вообще. В отличие от припоминания, которое имеет дело с образами, память связана со словами. Гегель смотрит на слова и язык в целом как на знаковую систему. «Знак следует рассматривать как нечто весьма важное. Если интеллигенция нечто обозначила, то она тем самым покончила с содержанием созерцания и дала чувственному материалу в качестве его души чуждое ему самому значение. Так, например, кокарда, флаг или надгробный камень означают нечто совсем иное, чем то, на что они непосредственно указывают» [2, с. 294]. Слово — это речевой знак, и поэтому оно имеет смысл только в том случае, если между ним и означаемым предметом сохраняется надежная связь. Именно с этой позиции Гегель рассматривает три формы памяти: *удерживающую*, *воспроизводящую* и *механическую*. Первая из них — это память, удерживающая значения слов (хорошо знакомая всем, кто изучал иностранный язык). Сфера ее действия распространяется на видимые и звучащие слова, при восприятии которых мы должны вспомнить объективно связанные с ними представления. Однако произносимые и наглядно изображенные слова суть нечто исчезающее во времени, поэтому более развитая *воспроизводящая* память сохраняет слова без присущей им внешней оболочки. Именно посредством таких безобразных (невидимых и незвучащих) слов мы мыслим. «Слово сообщает... мыслям их достойнейшее и самое истинное наличное бытие» [2, с. 303]. Слово становится

полноправным представителем того предмета, которое оно означает, не нуждаясь более в сопровождении чувственных образов.

Механическая память резко отличается от первых двух: для нее характерна полная потеря связи между словом и соотносимым с ним предметом. Наиболее ярким проявлением механической памяти Гегель считает запоминание бессмысленной связи слов или самих по себе бессмысленных слов. Слово, утратившее смысл, уже не является ни разумным, ни сознательным, поскольку сознание обязательно требует соотнесения слова с означаемым предметом. Бессмысленное слово — это не только изощренная выдумка, но и результат естественной практики языка. Слова неизбежно деградируют, когда мы начинаем употреблять их чисто механически, не задумываясь, и наши фразы оставляют равнодушными как нас самих, так и наших собеседников. Интеллигенция, в которой не происходит никакого отклика на произносимые слова, «делается чем-то *пустым*, превращается в лишенное духа вместительное слов» [2, с. 304]. Механическая память превращает разум в нечто неразумное, но именно ее Гегель оценивает как высшую форму памяти: «Легко понять память как механическую, как деятельность того, что лишено смысла... Но тогда будет упущено из внимания ее подлинное значение» [2, с. 305].

В процессе развития разума, как полагает Гегель, механическая память играет роль медиума, преобразующего *представляющую* интеллигенцию в подлинно *мыслящую*. Представляющая интеллигенция, в формате которой функционирует обычная память, еще сохраняет связь с внешним миром, и поэтому она заполнена (хотя и не в полной мере) эмпирическим, чувственно воспринятым содержанием; но дело разума — не заимствовать извне, а создать свое собственное интеллектуальное содержание. «Дух начинается... только со своего *собственного* бытия и имеет отношение только к *своим же собственным* определениям» [2, с. 251]. Механическая память, совершая на первый взгляд совершенно бессмысленную «очистительную» работу, способствует достижению этой цели. Созданная ею ситуация «пустых слов» и «пустой интеллигенции» является благоприятным условием для свободного творчества разума, если только он пожелает заполнить образовавшуюся пустоту новыми понятиями и новым смыслом. Так неразумность служит разуму, а обесмысливание — рождению новых смыслов.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
3. Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. СПб.: Питер, 2003. 365 с.

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2014 г.